
ПОЛИТИКА СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СССР (1917 – КОНЕЦ 1980-х ГОДОВ)

М. В. Головизнина

Данная статья посвящена анализу достаточно узкого аспекта социального контроля – оформленной социальной реакции советского государства и общества на преступность несовершеннолетних. В статье приведен краткий обзор существующих теоретических моделей, объясняющих природу, роль и механизм действия социального контроля преступности в обществе. Результатом анализа широкого исторического материала – официальных документов, прессы, научных работ педологов, педагогов, психологов – является реконструкция этапов развития и трансформации идеологии и практики государственной социальной и уголовной политик в отношении противоправного поведения несовершеннолетних, системы специальных детских изоляционных учреждений в СССР на протяжении с 1917 года по конец 1980-х годов.

Ключевые слова: СССР, преступность, несовершеннолетние, идеология, педология, контроль

Введение

На всех этапах своего развития общество, с целью сохранения единства, вынуждено определять позицию относительно воспитания детей, вырабатывать адекватную реакцию на их противоправное поведение. Социальный контроль преступности несовершеннолетних, институты контроля преступности имеют длительную историю развития. С момента возникновения государства контроль над воспитанием детей и девиантное поведение молодых граждан становятся делом государственной важности и подвергаются тщательной организации и планированию. Эволюция типов и институтов контроля преступности несовершеннолетних неразрывно связана с изменениями политических и социально-экономических форм общественной деятельности людей.

Понятие «социального контроля» является одной из базовых социологических категорий. Сам термин «социальный контроль» впервые был введен в социологический лексикон в 1896 году американским социологом Эдвардом А. Россом. В определении Росса категория «социального контроля» включала в себя «все социальное», что затрудняло ее использование в научном анализе [Coser, 1982. P. 13]. В дальнейшем разработка категории «социального контроля» была направлена на артикуляцию концептуальной специфики термина в профессиональном дискурсе. В современной социологии и криминологии принято выделять три традиции (дискурса) восприятия и трактовки социального контроля: политическую, антропологическую и девиантность и преступность [Козн, 2000]. Теоретические корни самого старого дискурса о «социальном контроле» – политического – уходят в классическую политическую философию и социально-политическую теорию. В центре внимания политического дискурса находятся вопросы порядка, легитимности и власти, проблема достижения и соблюдения баланса между порядком в виде государственной власти и свободами личности. Антропологический дискурс о «социальном контроле» также акцентирует внимание на органической связи социального контроля и проблем справедливого политического устройства (ограниченная государственная власть, гражданские свободы и права). Главным метапроектом антропологического дискурса о социальном контроле является поиск социальных процессов, универсальных для всех обществ, на всех ступенях социально-исторических формаций. Самым ограниченным теоретическим дискурсом, но все шире распространяющим свое влияние на пространство социальной жизни современного общества, является третий подход к пониманию и трактовке социального контроля как контроля отклонения от нормы и преступности.

Целью данной статьи является аналитическая реконструкция трансформации идеологии и практик(и) социального контроля правонарушений несовершеннолетних в СССР в период с 1917 и до конца 1980-х годов. Социальный контроль преступности несовершеннолетних понимается как «репертуар организованного социального ответа на девиантное, делинквентное поведение, угрожающее установленному социальному порядку» [Blonberg, Cohen, 1955. P. 5]. Контроль преступности несовершеннолетних анализируется на уровне дискурсивной ситуации. Дискурсивная ситуация воссоздается посредством анализа того, каким образом в официальном дискурсе советского периода, обнаруживающим себя в материалах законодательного характера, текстах научных дисциплин (педологии, педагогики, психологии и др.), печатной продукции средств массовой информации происходит обсуждение тем «преступности несовершеннолетних», «кто является несовершеннолетним правонарушителем», «каковы причины противоправного поведения подростков», «что необходимо делать с несовершеннолетними правонарушителями государству и обществу», то есть каким должен быть контроль преступности несовершеннолетних на уровне государственной социальной и уголовной политик. Исходная аналитическая посылка данной статьи заключается в следующем: знание конфигурации социального контроля преступности несовершеннолетних в СССР необ-

ходимо с целью лучшего понимания контроля преступности несовершеннолетних на современном этапе. Эмпирическими источниками послужили официальные правовые документы (законы, нормативно-правовые акты, кодексы, инструкции), материалы научно-профессиональных изданий (педологических, педагогических, психологических, медицинских) и публикации в прессе, отражающие идеологическую и практическую направленность политики контроля преступности несовершеннолетних в советском государстве.

Политика и практика(и) протекционизма в отношении несовершеннолетних (1917 – конец 1920-х годов)

Контроль преступности несовершеннолетних: нормативно-правовой дискурс

Начиная с первых дней советской власти забота о детях официально определяется одним из главных принципов социальной политики государства, а охрана детства закрепляется обязанностью многих наркоматов и ведомств. «Детским» вопросом в то время одновременно занимались наркомпрос, наркомсобес, наркомздрав, наркомюст, Совет защиты детей, Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК, ВЧК. Главной категорией, определяющей социальную причину преступного поведения, провозглашается «детская беспризорность», которая позиционируется идеологическим дискурсом как негативное, но неотвратимое следствие глубокого политического и экономического кризисов, Гражданской войны, иностранной интервенции, кровавого террора, засухи, неурожая и голода. Контроль детской беспризорности и преступности принимает форму «ликвидации» и «борьбы» в чрезвычайных условиях. Пик роста числа несовершеннолетних беспризорников был зафиксирован в 1922–1923 годах, когда Н.К. Крупская, занимавшая тогда пост заместителя народного комиссара просвещения РСФСР, назвала официально зарегистрированное в стране число детей-беспризорников – 7 млн человек. Кроме очевидных, «чрезвычайных» по своей природе причин, эскалация детской беспризорности, ставшая на долгие годы одной из главных социальных проблем советского общества, являлась последствием ранней политики большевиков в сфере семьи и брака. «Революционное законодательство» 1917–1918 годов упразднило царскую социальную политику и легитимировало новые принципы и законы в отношении семьи, брака и сексуальности. Жесткая критика патриархальной «буржуазной семьи», секуляризация и свобода брака, свобода развода наряду с уравнением в правах внебрачных детей, эмансипацией женщин – вот основные принципы семейного законодательства первых революционных лет [Madison, 1968; Курганов, 1967]. Практическая реализация коммунистического принципа строительства «нового» при разрушении до основания «старого» в отношении семьи имела ряд серьезных негативных последствий: распушенность в брачных отношениях, рост разводов, огромное количество беспризорных детей, рост детского озорства, детской преступности и бандитизма [Курганов, 1967. С. 94–95].

Позиционирование детей как «жертв» неблагоприятных социально-экономических обстоятельств подкреплялось явно выраженной протекционистской

мость», что само по себе позиционировалось как следствие перенесенных заболеваний центральной нервной системы или/и ошибок воспитания. Признавалось, что исправить / вылечить моральную дефективность легче, чем дефективность физическую или психическую. Факторы неблагоприятной наследственности, заболевания, ошибки воспитания объединялись педологией в одну общую концепцию – «неблагоприятное влияние среды».

Педология как комплексная наука о ребенке и детстве, отцом-основателем которой принято считать американского психолога С. Холла (1844–1924), активно развивается в России с начала XX века. Теоретические корни отечественной педологии уходят в психоанализ З. Фрейда и психоневрологическую школу В.М. Бехтерева. А. Эткинд, анализируя развитие психоанализа в России, констатирует особенности становления отечественной педологии, указывая на то, что «в России имела место трансформация психоанализа в педологию» [Эткинд, 1994. С. 252]. После того как психоанализ в России стал терять свои позиции, многие из психоаналитиков перешли в другие пограничные науки, и в том числе в педологию. Например, классик отечественной педологии П.Б. Залкинд в прошлом обучался психоанализу и имел опыт психоаналитической практики. Новая научная дисциплина претендовала на координацию всех изолированных друг от друга данных по изучению ребенка, полученных анатомией, физиологией, генетической психологией, педагогикой, гигиеной и т. д., и выработку их органического синтеза. Вот как определяет предмет педологии другой видный отечественный педолог П.П. Блонский: «Педология изучает симптомокомплексы различных эпох, фаз и стадий детского возраста в их временной последовательности и в их зависимости от различных условий» [Блонский, 1925. С. 8]. Кратко основы педологической теории можно выразить в четырех принципах природы развития ребенка: целостности, развития, деятельности, пластичности или формирующего влияния среды. Принцип «формирующего влияния среды» носил наиболее политический характер и сыграл критическую роль не только в развитии педологии, запрете ее как науки в 1936 году, но и для всего социального контроля в отношении несовершеннолетних в России.

Для того чтобы понять политический характер принципа «влияния среды» и роль, которую ему суждено было сыграть не просто в науке, а широко-масштабном политическом эксперименте, проводимом над детьми, необходимо обратиться к анализу социально-политической атмосферы того времени. Уже на I Всесоюзном педологическом съезде, который состоялся в 1927 году, нарком просвещения А.В. Луначарский выразил политическую цель, поставленную властью перед новой наукой: «Педология, изучив, что такое ребенок, по каким законам он развивается... тем самым осветит перед нами самый важный... процесс производства нового человека параллельно с производством нового оборудования, которое идет по хозяйственной линии» [Эткинд, 1994. С. 253–254]. Вслед за Луначарским Н.И. Бухарин призывал к тому, что «силы нужно устремить не в общую “болтологию”, а на то, чтобы в кратчайший срок произвести определенное количество живых рабочих,

квалифицированных, специально вышколенных машин, которые можно было бы сейчас завести и пустить в общий оборот» [Эткинд, 1994. С. 254]. В заключительной резолюции съезда было зафиксировано: «Учету социальной среды как доминирующего фактора, определяющего детское развитие, должно быть посвящено самое актуальное внимание советской педологии» [Залкинд, 1930. С. 201–202]. Итак, педология активно включилась в процесс изучения ребенка, влияния среды на детское развитие с целью выработки рекомендаций для масштабного «производства нового человека».

Обратимся к теоретическим изысканиям педологов о роли принципа «формирующего влияния среды». Внутри самого сообщества педологов также не было единого понимания «среды». Реконструируя значение «среды» внутри педологического дискурса, А.А. Невский выделяет четыре самостоятельных подхода к трактовке данного термина: органическое влияние, влияние в порядке прямой социальной индукции, реактивное влияние и биологически отраженное влияние [Замский, 1995. С. 329–330]. Под влиянием «среды» одновременно объединялись наследственность, социализация, реакция на «социальные травмы детства» и влияние санитарно-гигиенических факторов на физическое и психологическое состояние ребенка. Особенно критиковалось органическое влияние, при котором ребенок не только внешне усваивает нормы поведения своей среды, но и по наследству получает черты, присущие среде. С целью изучения влияния среды педологи проводили большое количество исследований, часть из которых составляли откровенно вульгарные социологические исследования. Например, устанавливалась связь между детской патологией и количеством занимаемых семьей комнат; детской смертностью и размером заработка отца; умственным развитием ребенка и его классовой и социальной принадлежностью и т. д. [Залкинд, 1930. С. 330]. Однако следует признать, что среди педологических работ были интересные, научно значимые исследования, которые не потеряли свою ценность и для сегодняшнего обсуждения проблем педагогической социологии и социологии воспитания.

Педологи считали, что для разрешения поведенческих проблем детей необходимо создать для каждого ребенка «восстанавливающую среду». В практике специальных учреждений по работе с «дефективными» и «трудновоспитуемыми» детьми «восстанавливающая среда» создавалась с учетом особенностей физиологических и психологических особенностей каждого пола и возраста. Работа с детьми носила медико-педагогический характер, в качестве моделей социальной организации «среды» практиковались модель «семьи» с ее квазиродительской четой из числа опытных воспитателей и модель «детской общины» («городка») [Ленинградский... 1960]. В своем понимании приемов работы с детскими поведенческими проблемами педологи исходили из того, что первоначально необходимо работать отдельно с ребенком, обеспечить ему благоприятную окружающую среду, и только после того, как личность каждого ребенка интернализирует нормы сознательной дисциплины, она может быть частью детского коллектива.

Период реакции (1930–1950 годы)

Контроль преступности несовершеннолетних: риторика официальных документов

Начиная с 30-х годов акценты государственной политики в отношении детей, детства, детских правонарушений начинают изменяться. Если в первое десятилетие советской власти причины детской преступности связывались с беспризорностью вследствие чрезвычайных событий, и утверждалась государственная ответственность за миллионы беспризорников в стране, то уже в 1930-х годах в качестве основной причины, определяющей правонарушения несовершеннолетних, провозглашается «беснадзорность». Категория «детской беспризорности» на короткий промежуток вновь появляется в официальном дискурсе военного и первых послевоенных лет. Впервые правовой термин «беснадзорность» в законодательной практике был применен в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 31 мая 1935 года «О ликвидации детской беспризорности и беснадзорности»: «беснадзорным считается несовершеннолетний, не обеспеченный надлежащим надзором за своим поведением и образом жизни со стороны родителей или лиц их заменяющих, а также учреждений, на воспитании и содержании которых он находится».

Некоторое время в официальных дискурсах нормативных актов, профессиональных педологических журналов категории «беспризорность» и «беснадзорность» использовались одновременно. Как отмечают эксперты, анализ внутренних инструкций ведомств, занимающихся решением проблемы правонарушений несовершеннолетних, тех времен не позволяет провести содержательную разницу между этими двумя категориями [Барилло, 1976]. Однако уже с конца 1930-х и вплоть до конца 1980-х годов «беснадзорность» как причина трудновоспитуемости и детских правонарушений заняла монопольную дискурсивную позицию. В Постановлении 1935 года акцент впервые делался на ответственности родителей за законопослушное воспитание детей. Специальный IV раздел Постановления определял обязанности родителей и опекунов по присмотру и надзору за поведением детей, устанавливал меры уголовной и материальной ответственности за правонарушения несовершеннолетних.

Введение в официальный дискурс новой категории «беснадзорный» и провозглашение беснадзорности основной социальной причиной преступности несовершеннолетних не являются случайными. Инструментальная функция нового нормативного термина раскрывается при анализе социальной реальности, которую он обозначает. Понять произошедшие дискурсивные изменения по вопросу преступности несовершеннолетних позволяет высказывание отечественного педагога А.С. Макаренко 1934 года: «Беспризорные 1921–1924 гг. уже давно исчезли. Наш теперешний беспризорный – это не продукт классового распада. Теперешний беспризорный – это, прежде всего, ребенок, потерявший семью. Причин тому много: более свободная форма семьи, отсутствие принудительного сожительства, более напряженное движение человека в обществе, большая заг-

руженность отца и матери работой, отход женщины от семейной ограниченности, материальные и прочие формы противоречий» [Макаренко, 1955а. С. 204]. Ставшие уже очевидными на данном этапе негативные последствия «революционного реформирования» в области семейной политики (рост незаконнорожденных детей, детей-подкидышей и т. д.) требовали немедленного реагирования власти. Как отмечают многие отечественные и западные исследователи, десятилетие 1930–1940-х годов являлось периодом формирования новой официальной идеологии и социальной политики советского государства [Курганов, 1967; Чуйкина, 2002; Madison, 1968]. Очередной Семейный кодекс (1936) и военный Указ (1944) обозначили новые стандарты в отношении семьи, сексуальности и частной жизни граждан в целом и оставались неизменными вплоть до конца 1960-х годов. Отныне отрицалась свобода брака и развода, утверждался строгий контроль их официальной регистрации; развод становился сложной судебной процедурой, требующей уплаты денежной пошлины; были восстановлены разграничения между «детьми, рожденными в браке» и детьми «незаконнорожденными». Институт родительства законодательно наделяется не только биологической функцией (установление отцовства), но и функцией социальной (воспитание). Одновременно происходит смещение акцентов социального контроля преступности несовершеннолетних: акцент с государственной ответственности за рост правонарушений несовершеннолетних перебазируется на персональную ответственность родителей. Стандарты высокой ответственности родителей теоретически фундировались педологическим принципом «влияния среды», согласно которому родительская среда оказывает прямое непосредственное влияние на формирование как конформного, так и делинквентного поведения ребенка. Процессы «закручивания гаек» и репрессии стали главными оформленными реакциями государства на данном этапе в отношении преступности несовершеннолетних вплоть до конца 1950-х годов.

В области уголовной политики в отношении несовершеннолетних наблюдается отказ от политики протекционизма. Формальным рубежом карательной переориентации уголовной политики в отношении несовершеннолетних стало принятие Постановления ЦИК и СНК «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 года. Согласно Постановлению 1935 года возраст наступления уголовной ответственности по значительной части составов преступления снижался до 12 лет. Восстанавливался принцип применения к несовершеннолетним всех видов наказания (в том числе и смертной казни). Нивелировалась статья об обязательном применении к малолетним правонарушителям мер медико-педагогического характера (ст. 8) УК СССР. Из УПК была исключена статья о выделении дел несовершеннолетних в отдельное судопроизводство. Известный западный советолог Питер Соломон, характеризуя период уголовной политики в отношении несовершеннолетних 1930–1950-х годов, указывает на его следующую особенность: число осужденных и направленных в исправительные учреждения несовершеннолетних до 14 лет в 1940 году примерно совпадало с цифрами 1914 года. Разница состояла в том, что в 1914 году большинство подростков проводило в тюрьмах не более трех месяцев, а их од-

ногодки в конце 1930-х годов получали сроки от одного до трех лет [Соломон, 1998. С. 192–202]. Накануне Великой Отечественной войны были изданы еще три закона, криминализирующие некоторые формы поведения, не являющиеся правонарушениями ранее и усиливающие репрессивность уголовной политики в отношении несовершеннолетних. Декриминализация подростковых правонарушений в рамках уголовной и уголовно-исполнительной практик частично началась в 1948 году, когда несовершеннолетние реже стали привлекаться судьями по фактам кражи [Там же. С. 201–202].

Изменение норм уголовного права повлекло за собой трансформацию системы учреждений для несовершеннолетних. В 1930 году происходит реорганизация трудовых коммун ОГПУ в школы фабрично-заводского ученичества особого типа (ФЗУ НКЮ), куда помещались несовершеннолетние правонарушители, начиная с 14-летнего возраста и до исполнения 18 лет. В 1935 году ФЗУ были реорганизованы в трудовые колонии для несовершеннолетних, куда направлялись подростки с 12 до 18 лет, и переданы в ведомство НКВД. В системе НКВД были созданы новые учреждения: изоляторы – места предварительного заключения и детские приемники-распределители.

Концепция педагогики «коллективного действия» о перевоспитании несовершеннолетних правонарушителей

Постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 года «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» педология как наука была ликвидирована. За рамками данной работы остается анализ возможных причин, повлекших за собой столь «неожиданное событие» [Эткинд, 1994; Родин, 1998]. Для целей нашего анализа важны теоретические и практические последствия запрета педологии. Запрет педологии на практике выразился в закрытии школ для трудновоспитуемых и массовом переводе учеников в обычные школы. По словам Н.К. Крупской, многие ребята из школ для трудновоспитуемых были просто выброшены на улицу, так как в обычные школы их под разными предлогами не принимали. В Москве из 3 тыс. учащихся школ для трудновоспитуемых лишь 45 человек были приняты в нормальные школы, остальные остались вне стен учебных заведений [Родин, 1998. С. 98]. Ликвидация школ для трудновоспитуемых лишь усугубила «безнадзорность» целой группы детей. «Трудные», оказавшись вне стен школ, на улице пополняли ряды несовершеннолетних правонарушителей и попадали под действие специального Постановления (1935), согласно которому, уже к 12-летнему подростку можно было применять любые меры принудительного характера, как и ко взрослому. Объявление педологии «лженаукой» повлекло за собой и закрытие педологических факультетов, научных лабораторий, привело к изъятию и уничтожению обширного комплекса педологической литературы и исследований, среди которых было немало работ, представляющих научную ценность. Утрата научных традиций педологии привела к игнорированию десятилетиями в отечественной теории и практике работы с несовершеннолетними факта сложности природы поведенческих проблем детей, отрицанию важной роли физиологических и психологи-

ческих причин делинквентного поведения.

Освободившееся дискурсивное пространство, а также область социальных практик сферы изучения поведенческих проблем детей, подходов к воспитанию и коррекции несовершеннолетних правонарушителей, на долгие десятилетия становится занятым педагогической концепцией А.С. Макаренко. Обратимся к анализу основных идей педагогики Макаренко.

Стратегическую цель перевоспитания несовершеннолетнего правонарушителя Макаренко понимал как необходимость воспитания из него полезного обществу человека: «Для нас мало просто исправить человека, мы должны его воспитать по-новому, то есть воспитать так, чтобы он сделался не просто безопасным или безвредным членом общества, но чтобы он стал активным деятелем новой эпохи» [Макаренко, 1955б. С. 464]. Вслед за педологами Макаренко понимал противоправное поведение несовершеннолетних как результат «формирующего влияния среды», однако широкий спектр возможных механизмов влияния среды, которые разрабатывали педологи, Макаренко ограничивал исключительно педагогическими аспектами. Если педологи реконструировали «восстанавливающую» среду для несовершеннолетних по модели семьи или общины, то Макаренко опытным путем разрабатывал и внедрял новый тип общины – «детский коллектив», который по силе своего влияния должен был противостоять криминальному типу социальной организации подростков, в которую они были включены ранее, – банде.

Согласно Макаренко, «коллектив» – это есть целеустремленный комплекс личностей, организованных, обладающих органами коллектива и связанных между собой «отношениями ответственной зависимости» [Макаренко, 1955в. С. 298]. Описание того, как правильно организовать детский коллектив, какие использовать приемы и методы воздействия Макаренко объединил в «педагогику коллективного, индивидуального и параллельного действий» и отразил в своих классических работах и многочисленных статьях. Приемы построения детского коллектива Макаренко также противопоставлялись педологическим. Если у педологов основной единицей воспитания считался индивид (личность), то у Макаренко это был коллектив. Макаренко считал, что воспитание личности необходимо начинать сразу в коллективе, грамотно используя механизмы группового давления коллектива на личность. Согласно концепции А.С. Макаренко, методы «коллективного, индивидуального и параллельного действия» утверждают и воспроизводят «отношения ответственной зависимости» – скрепляющей коллектив силы – и подразумевают открытое и прямое влияние педагога не на отдельного индивида, а исключительно на коллектив в целом. В результате воздействия педагога на коллектив, коллектив самостоятельно осуществляет внутреннее давление на «провинившегося» индивида. Предполагалось, что при таком воздействии педагог косвенным образом параллельно влияет и на коллектив в целом, и на определенные личности в коллективе. Важным инструментом (пере)воспитания становился не только вертикальный контроль воспитателей, горизонтальное давление членов коллектива, но и самоанализ, самоконтроль индивида. Концепция А.С. Макаренко «воспитания в кол-

лективе и посредством коллектива» являлась примером удачной разработки и практического внедрения в детской среде техник взаимного горизонтального надзора и закрепления сознательности в каждом ребенке. Как замечает в своем исследовании О.В. Хархордин, критическая роль концепции воспитания в коллективе заключалась в том, что А.С. Макаренко «схватил в своих трудах и победах особенности новой формы жизни... и указал способ, как сделать ее повсеместной» [Хархордин, 2002. С. 132]. В целом подход А.С. Макаренко являлся «основной ортодоксией» советской педагогики на рубеже 1920–1930-х годов, более того, он определил тон дальнейших советских дебатов в области (пере)воспитания детей [Fitzpatrick, 1992. P. 252–253].

Ориентация на гуманизацию (конец 1950-х – конец 1980-х годов)

Государственный контроль преступности несовершеннолетних: презентация дискуссий

В качестве главной социальной причины преступности несовершеннолетних в официальной риторике анализируемого периода, так же как и в советской риторике 1930–1950-х годов, продолжает позиционироваться «детская безнадзорность». Несмотря на общность используемой терминологии, содержательный анализ реальности, которую указанные термины описывают, позволяет говорить лишь о видимой дискурсивной преемственности «сталинской» и «постсталинской» социальной политики в отношении несовершеннолетних и наличии существенных отличий двух дискурсов. Напомним, что в 1930–1940-е годы «детская безнадзорность», рассматриваемая как основная причина преступности несовершеннолетних, связывалась исключительно с отсутствием необходимого надзора за поведением и образом жизни несовершеннолетнего со стороны законных представителей ребенка (родителей). Начиная с конца 1950-х годов и вплоть до конца 1980-х годов «детская безнадзорность» начинает определяться не столько как отсутствие контроля со стороны родителей, сколько как результат пассивности общественности и ослабление контроля развития, времяпрепровождения, связей и интересов несовершеннолетних.

Изменение дискурсивной ситуации обсуждения проблемы детской безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних происходит под влиянием актуализации двух других тем официального дискурса: коммунистического воспитания подрастающего поколения и постепенного расширения коммунистического самоуправления граждан, прежде всего, в области «ликвидации» преступности и «борьбе» с правонарушителями.

Ранняя большевистская риторика о коммунистическом воспитании детей, с целью создания «нового коммунистического человека» не путем семейного, а путем общественного воспитания детей, с новой силой начинает воспроизводиться после XX съезда партии. Актуализация дискурса коммунистического воспитания подрастающего поколения силами общественности имела очевидные политические и экономические мотивы. Партия нужда-

лась в новой базе и новых инструментах утверждения собственной власти внутри государства, страх и террор после Второй мировой войны и смерти Сталина начинают терять свое значение. Для этого требовалось воспитание в советских гражданах сознательной преданности коммунизму и ненависти к его врагам. Важным экономическим мотивом расширения общественного воспитания детей в СССР, по мнению А.Н. Курганова, являлась также необходимость включения женщин в состав работников общественного и народного хозяйства [Курганов, 1967. С. 226–237]. Однако полностью нивелировать воспитательную функцию семьи государство на данном этапе не могло, прежде всего по экономическим причинам. Уровень благосостояния государства был еще недостаточен для того, чтобы изъять всех советских детей из семей и взять их на полный государственный пансион. В силу этого государство было вынуждено оказывать семьям поддержку, поскольку экономические возможности семьи (прежде всего неполной и многодетной) оказывались неадекватными росту затрат на содержание и воспитание детей.

С процессом десталинизации властью в очередной раз была предпринята попытка создать систему социального контроля, в которой представители общественности поддерживали бы порядок, используя полномочия и механизмы повседневного надзора. Позицию партийного управления страны по вопросу общественного контроля преступности озвучил в 1956 году Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев: «Нужно предпринять такие меры воспитания, которые предупреждали бы, а потом совершенно бы исключили появление у отдельных лиц каких-либо поступков, наносящих вред обществу. Главное – это профилактика и воспитательная работа» [Хрущев, 1962–1964. С. 103]. В рамках политики партии по расширению общественного контроля преступности несовершеннолетних в данный период государством специально создается целый ряд общественных институтов, главной обязанностью которых утверждалась профилактика правонарушений среди несовершеннолетних. В 1961 году вновь были созданы комиссии по делам несовершеннолетних при советах министров союзных и автономных республик, а в 1966 году был утвержден институт общественных воспитателей. Профилактикой правонарушений по месту жительства активно занимались детские комнаты милиции на общественных началах, родительские комитеты на общественных началах, уличные, квартальные, домовые комитеты, которых по данным 1985 года в стране существовало 530 тыс., и которые объединяли в своем составе около 3 млн активистов [Барило, 1976; Беличева, 1987; Емельянов и др., 1974]. Комсомол был также активно включен в систему общественного контроля преступности несовершеннолетних: работой с «трудными» занимались оперативные комсомольские отряды дружинников (ОКО), комсомольские педагогические отряды (КПО) и отряды «Дзержинцев» и юных друзей милиции (ЮДМ) [Комсомол... 1971; Кукушкина, 1962; Курбанов, Касымов, 1966]. Советскую общественность в целом, как и ее инициативы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, в частности, трудно назвать общественными в прямом значении этого слова: их создание напрямую было инициировано партией, а практическая деятельность была полностью подконтроль-

на органам власти. Общественные инициативы работали под непосредственным руководством инспекции по делам несовершеннолетних (ИДН) и действовали только в пределах даваемых ими поручений; инициатива общественных организаций также ограничивалась рамками действующих положений и утверждалась ИДН. Фактически институты общественного контроля правонарушений несовершеннолетних являлись «карманными» организациями милиции и функционировали как «приводные ремни» политики партии – государства.

Процессы трансформации затронули и систему правосудия в отношении несовершеннолетних. В рамках правовой реформы в 1958–1961 годах были приняты новые Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы. Впервые в УПК РСФСР 1960 года появилась отдельная глава – «Производство по делам несовершеннолетних», была сужена сфера применения к несовершеннолетним уголовного наказания, и расширена возможность общественного воздействия. На позднесоветском этапе важной вехой процесса реформирования системы правосудия в отношении несовершеннолетних становится ратификация Верховным Советом СССР основных международных документов в области защиты и прав детей.

Изменение уголовного законодательства повлекло за собой изменение структуры исправительных учреждений для несовершеннолетних. В 1963 году трудовые колонии для несовершеннолетних НКВД – МВД были реорганизованы в специальные школы и профессионально-технические училища закрытого типа и переданы в ведение системы просвещения и профтехобразования. В специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа помещались несовершеннолетние правонарушители в возрасте от 11 до 18 лет. Решение о направлении несовершеннолетнего в спецшколу или спецПТУ закрытого типа принимал не суд, а орган административно-общественной власти – комиссия по делам несовершеннолетних. В ведомстве НКВД продолжали оставаться два типа учреждений для несовершеннолетних: воспитательные колонии для несовершеннолетних (ВК), куда направляются несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, совершившие особо тяжкие преступления, и детский приемник-распределитель (ДПР).

Психолого-педагогический подход к перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей

В научных дискуссиях о причинах преступного поведения несовершеннолетних данного периода наблюдается усиление позиций психологии. Как и на этапе расцвета педологии подростковые поведенческие проблемы объясняются вновь посредством категории «трудновоспитуемости». Однако дискурсивный контекст использования категории «трудновоспитуемый» в ранней советской научной литературе иной, чем вкладывается в содержание указанной категории на позднесоветском этапе. Если в 1920–1930-х годах «трудновоспитуемость» определялась педологами как проявление моральной или физической дефективности, то в 1960–1980-х годах под влиянием возрастной психологии «трудновоспитуемость» начинает трактоваться как результат игнорирования возрастных особенностей развития личности. Известный советский психолог Л.С. Выготский в своей работе «Проблема возраста» выделил «критические рube-

жи развития личности» и указал на то, что в пубертатный период подросткового возраста (11–14 лет) происходит перестройка ряда физиологических структур и функций организма, сопровождающаяся развитием половых особенностей и интенсификацией высшей нервной деятельности [Выготский, 1934]. Источником «трудновоспитуемости» являются не психофизиологические изменения сами по себе, а их игнорирование со стороны родителей, учителей, других значимых взрослых. Для каждого из этапов развития личности характерна «ведущая деятельность». Например, для младшего возраста ведущей деятельностью является игра, для подростков – игра, учеба и участие в делах школьного коллектива, для взрослого человека – общественно-полезный труд, участие в делах трудового коллектива и в управлении общества в целом (А. Леонтьев, Д. Эльконин, Г. Щедровицкий и др.). Именно при игнорировании возрастных особенностей развития личности подростка происходит искаженная ориентация личности подростка в важных сферах «ведущей деятельности» его возраста. Вместо трудовой деятельности в школе, значимости группы одноклассников, конструктивного досуга наблюдается прогул уроков, бесцельное времяпрепровождение в неформальных уличных компаниях, криминальный опыт. Возрастной и педагогической психологией утверждалось, что преодолеть дефекты сложившихся социальных отношений между подростком и обществом возможно путем формирования позитивной социальной позиции личности подростка и переориентации его «ведущей деятельности» в положительное русло. Цель профилактики правонарушений несовершеннолетних на данном этапе виделась в переориентации «ведущей деятельности» подростков с проблемным поведением и формировании у них позитивной социальной позиции. Именно в области школьного обучения и в сфере досуга была сосредоточена работа государственных и общественных объединений по предупреждению подростковых правонарушений. Задачу привлечения подростков в школу, ликвидации образовательных пробелов и усиления их мотивации к обучению выполняли комсомольские педагогические отряды (КПО) и «макаренковские» отряды, сформированные из числа студентов педагогических вузов, для которых работа с «трудными» и «неуспевающими» подростками позиционировалась одновременно как форма подготовки к будущей профессиональной деятельности и форма общественной деятельности. Обустраиванием досуговой деятельности «трудных» подростков занимались совместно комсомол, милиция при поддержке комитета ДОСААФ, общества «Знание», органов народного образования, профсоюзов, спортивных обществ, военных училищ, других учреждений. По месту жительства подростков организовывались военно-спортивные, досуговые клубы и секции при ЖЭК, в летний период «трудных» подростков вывозили в летние оборонно-спортивные оздоровительные лагеря. Работа досуговых учреждений для подростков была хорошо организована, носила масштабный характер, имела достаточную финансовую и общественную поддержку. Формирование инфраструктуры учреждений внешкольной работы с подростками и характер осуществляемой работы в значительной степени были детерминированы политическим контекстом «холодной войны», актуализацией значимости военно-патриотического направления идеологичес-

кой и политико-массовой работы с молодежью. Милитаристский характер проводимой с подростками работы не только удовлетворял потребностям подросткового возраста в риске, самоутверждении, но и во многом формировал модель нормативной маскулинности: в соревновательных и военизированных играх в мальчиках воспитывалась физическая сила и агрессивность, выносливость и стремление доминировать.

Период 1960–1980-х годов отмечен в истории также как время подъема и развития педагогических движений: эксперименты по совершенствованию учебно-воспитательского процесса в школе В.Ф. Шаталова, всестороннее развитие младших школьников и гуманизация знания Ш.А. Амоношвили, методика коллективного творческого воспитания И.П. Иванова («Фрунзенская коммуна»). В педагогический дискурс входят новые идеи гуманизации воспитания и образования, критикуется авторитарный подход в педагогике, переосмысливаются идеи догматической концепции А.С. Макаренко. Впервые критика методов по управлению детским коллективом, правда в завуалированном виде, была сформулирована А.В. Сухомлинским. Сухомлинский с опасением относился к использованию в детском коллективе принципа «параллельного действия». Напомним, что «принцип параллельного действия» рассматривался Макаренко как главный педагогический инструмент по преодолению чувства «ложного товарищества» и нормы «круговой поруки», распространенной в подростковых коллективах. Дисциплинарное воздействие (или угроза его применения) педагога на весь коллектив за проступок одного из членов коллектива принуждает группу либо к самосуду над товарищем, либо к выдаче его воспитателю. Сухомлинский, опираясь на свой педагогический опыт работы со школьниками, указывал на то, что для формирования гражданской позиции человека важно в детском и подростковом возрасте сформировать чувство верности, товарищества, взаимопомощи: «Развивайте у своих питомцев стремление к верности, помогайте им, оберегайте их от малейшего “предательства”. Потому что “детям и подросткам” необходимо какое-то поле для выражения себя и верности, а другого поля, кроме товарищества и того, что мы взрослые называем круговой порукой, они пока еще не знают. Не толкайте человека в детстве на малейшее предательство, открывайте перед ним поле для большой гражданской верности!» [Сухомлинский, 1975. С. 47–49].

С началом перестройки, процессами гласности и желанием общества покончить со «страусиной политикой» в печати стали появляться материалы, проблематизирующие положение дел в местах изоляции и исполнения наказания в отношении несовершеннолетних. Журналистами и научными сотрудниками приводились данные, раскрывающие жестокую и антигуманную сторону применения «параллельного действия» в спецучреждениях для несовершеннолетних, где указанный принцип применялся исключительно в аспекте наказания всего коллектива за проступки одного из его членов. На практике это выливалось в жестокое и систематическое избиение слабых и вновь прибывших физически сильными воспитанниками, которых ежегодно (намеренно?) вводили в актив органов ученического самоуправления. Косвенным подтверждением негативных последствий применения педагогики «параллельного действия» является количество воспи-

танников, бежавших из спецшкол и спецучилищ по причинам насилия и издевательств со стороны актива учреждения. Только за 1987 год бежавших из спецучреждений для несовершеннолетних в СССР было 2 347 человек, в то время как в 1965 году таких было 1 863 человека [Ермаков, 1991. С. 303–324].

Несмотря на общественную критику, активизацию профессиональных дискурсов психологов, педагогов, юристов и правозащитников пенитенциарная система и практики работы с несовершеннолетними в закрытых исправительных учреждениях продолжали оставаться ригидными.

Заключение

Социальный контроль преступности несовершеннолетних, равно как и определение самого «преступного поведения» являются политически и идеологически детерминированными процессами. Содержание и форма контроля противоправного поведения несовершеннолетних определяется также и развитием систем профессионального знания, и дискуссиями о причинах и способах коррекции поведенческих проблем детей, существующими в профессиональных сообществах педагогов, психологов, психиатров.

На протяжении всей истории советского государства рамки и содержание социальной и уголовной политики в отношении несовершеннолетних, демонстрирующих противоправное поведение, неоднократно изменяются. На раннем советском этапе (1917 – конец 1920-х годов) противоправное поведение несовершеннолетних позиционируется как «детская беспризорность», возникновение которой являлось неизбежным последствием чрезвычайных ситуаций войны, разрухи, голода. Контроль преступности несовершеннолетних носит характер патроната и протекционизма. Утилитаризм общего протекционизма государственной политики в отношении детства вообще и в частности в отношении несовершеннолетних правонарушителей объясняется потребностью власти в скорейшем налаживании массового производства «нового человека» с целью дальнейшего коммунистического строительства.

Теоретическую базу перевоспитания несовершеннолетних «дефективных» составляют педологические идеи, находящиеся в сильной степени под влиянием психоанализа, естествознания и медицины. Медико-педагогический характер воздействия на несовершеннолетних в рамках закрытых учреждений включает в себя индивидуальный подход к каждому ребенку и учет особенностей детского возраста и физиологии. Реакционный период 1930–1950-х годов перебазирует акценты с государственной ответственности за воспитание детей на индивидуальную ответственность родителей ребенка, главной социальной причиной детских правонарушений называется «безнадзорность» как отсутствие контроля за поведением ребенка со стороны его законных представителей. Политика контроля противоправного поведения несовершеннолетних характеризуется усилением карательной составляющей (криминализация поведения, репрессивность санкций). Работе с несовершеннолетними в условиях специальных учреждений задают направление педагогические идеи «перевоспитания в коллек-

тиве и посредством коллектива», принимающие в условиях изоляции авторитарный и антигуманный характер. С процессами десталинизации и активизации полемики о коммунистическом воспитании молодежи и расширении коммунистического самоуправления граждан главной формой организованной реакции общества и государства на правонарушения несовершеннолетних по причине их безнадзорности провозглашается профилактика и воспитательная работа советской общественности. В области уголовной политики в отношении несовершеннолетних начинаются процессы декриминализации, сужается сфера применения к несовершеннолетним уголовного наказания, и расширяется возможность общественного воздействия. Согласно теоретическим идеям возрастной и педагогической психологии, правонарушения несовершеннолетних являются поведенческими проблемами и результатом игнорирования особенностей этапов развития личности подростка; все это требует конструктивной переориентации «ведущей деятельности» несовершеннолетних в области школьного обучения и досуга. Несмотря на гуманистическую направленность педагогических, психологических подходов, критику правозащитных движений, практики работы с несовершеннолетними в пенитенциарных учреждениях продолжают оставаться неизменными.

Список литературы

- Астемиров Э. А.* Из истории развития учреждений для несовершеннолетних в СССР // Предупреждение преступлений несовершеннолетних. М., 1965. С. 233–269.
- Астемиров Э. А.* Трудовая колония для несовершеннолетних. М.: Юридическая литература, 1969.
- Барило Т. С.* Комиссии по делам несовершеннолетних. Киев: Наукова думка, 1976.
- Беличева С. А.* Резервы совершенствования деятельности Комиссий по делам несовершеннолетних // Советское государство и право. 1987. № 9. С. 134–138.
- Блонский П. П.* Педология. М., 1925.
- Выготский Л. С.* Проблемы возраста. М., 1934.
- Емельянов Ю. Н., Семернева Н. К., Щедрина А. К.* Общественные воспитатели несовершеннолетних. М.: Юридическая литература, 1974.
- Ермаков В. Д.* Кто должен предупреждать правонарушения несовершеннолетних, почему у них это не получается? // Трудные судьбы подростков – кто виноват? М.: Юридическая литература, 1991.
- Залкин П. Б.* Основные вопросы педологии. М., 1930.
- Замский Х. С.* Умственно-отсталые дети: история их изучения, воспитания и обучения с древних времен до середины XX века: Приложение: Дневник Е. К. Грачевой. М.: НПО «Образование», 1995.
- Коэн С.* Социальный контроль и политика реформ // Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Вып. 2 / Под ред. М. Г. Флямера: В 2 кн. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. Кн. I. С. 158–195.
- Комсомол и подростки:* Сб. док. М., 1971.
- Кужушкина В.* Из опыта работы студентов с педагогически запущенными детьми // Вопросы психологии. 1962. № 4. С. 148–150.

- Курбанов Ю., Касымов И. Комсомол в борьбе с безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних // Вопросы уголовного права, уголовного процесса в криминологии. Душамбе, 1966.
- Курганов И. А. Семья в СССР (1917–1967). Нью-Йорк, 1967.
- Ленинградский Детский приемник-распределитель УВД ЛО 1920–1960 гг. Л., 1960.
- Макаренко А. С. О воспитании в семье. М., 1955в.
- Макаренко А. С. Объяснительная записка к проекту организации трудового детского корпуса. Собр. соч. Т. 1. 1955а.
- Макаренко А. С. Опыт методики работы детской трудовой колонии. Собр. соч. Т. 5. 1955б.
- Мельникова Э. Б. Из истории Российской ювенальной юстиции // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних. М.: Права человека, 2000.
- Родин А. Из истории запрета педологии в СССР // Педагогика. 1998. № 4. С. 92–98.
- Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998.
- Сухомлинский В. А. Мудрая власть коллектива. М.: Молодая гвардия, 1975.
- Учреждения для несовершеннолетних Министерства охраны общественного порядка РСФСР / Под общ. ред. Б. С. Утевского, М. И. Ефремова. Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел. М., 1963.
- Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности / СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002.
- Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М.: Госполитиздат, 1962–1964. Т. 3.
- Чуйкина С. «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы половой морали в советском обществе 1930–1980-х годов // В поисках сексуальности: Сб. статей / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 99–128.
- Эткинд А. М. Педологические извращения в системе // Эрос невозможного: развитие психоанализа в России. М.: Гнозис: Прогресс-Комплекс, 1994.
- Blonberg T. G., Cohen C. (Eds). Punishment and Social Control: Essay in Honor of Sheldon L. Messinger. New York: Aldine de Gruyter, 1955.
- Coser L. The Notion of Control in Sociological Theory // Social Control: Views from the Social Sciences / Jack P. Gibbs (Ed.). Beverly Hills, Cal.: Sage, 1982.
- Fitzpatrick S. The Cultural Front. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1992.
- Madison Bernice Q. Social Welfare in the Soviet Union. Stanford, Cal: Stanford University Press, 1968.

Марина Владимировна Головизнина
научный сотрудник, соискатель факультета
политических наук и социологии,
Европейский Университет в Санкт-Петербурге

электронная почта: golov@eu.spb.ru
